

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2026.1.185

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОШЛОГО В РАССКАЗЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ПОЖАР НА МОРЕ»

К. Р. Белозерова

Тверской государственный университет, г. Тверь

Статья посвящена изучению особенностей репрезентации прошлого в автобиографическом рассказе И. С. Тургенева «Пожар на море». Особый интерес для исследователя представляет механизм включения истории в литературное произведение, как отражение жизненного и творческого опыта писателя. В данном случае речь идёт о соединении в тексте двух типов репрезентации: исторической и психологической, в результате чего можно говорить о психо-исторической репрезентации, как о собственно-авторском способе миромоделирования, в котором главную роль «конструктора» занимает сам автор репрезентации, воссоздавая и интерпретируя прошлое посредством воображения и мировосприятия.

Ключевые слова: *воспоминание, прошлое, историческая репрезентация, психологическая репрезентация.*

Обращаясь к теме исторической репрезентации, следует отметить, что наука трактует ее как вторичную, «замещающую» действительность. Так, по мнению Х. Уайта, американского историка и литературного критика, цель исторического исследования состоит в реконструкции прошлого, которая может быть достигнута на основе двойного конструирования: настоящего, от которого идет запрос, и прошлого, выступающего как возможный объект исследования [5, с. 225]. Важно заметить, что специфика повествования в рассказе И. С. Тургенева «Пожар на море» обнаруживает в себе комбинацию двух видов репрезентации прошлого: историческую и психологическую, фактически, являясь психо-исторической репрезентацией, в основе которой находится авторская интерпретация реальной истории, произошедшей с ним в молодости. Важно и то, что между самой историей и её изложением в формате очерка лежит значительный временной промежуток, а именно сорок пять лет, то есть вся сознательная жизнь писателя. Значимость данного уточнения состоит в том, что так называемый сюжет рассказа переосмысливался автором в течение всей жизни, а значит, жизненный и исторический опыт могли внести свои коррективы в *дела давно минувших дней*. Но следует отметить, что прозаик всегда воспринимал «текущий момент» как «момент исторический» [2], при этом для писателя было крайне важно полное

© Белозерова К. Р., 2026

и достоверное отображение действительности, фиксирующее определённый момент истории. Трагедия, что легла в основу рассказа, оставила неизгладимые впечатления в душе писателя и к тому же подорвала его репутацию. Так, очевидцы рассказывали о трусости и недостойном поведении Тургенева, которым в минуту смертельной опасности овладела паника. Особую гласность этому эпизоду тургеневской биографии придал В. П. Долгоруков, который в своих мемуарах обличал писателя в отсутствии у него гражданского мужества, а позже, этот отрывок, в переводе А. С. Суворина (Незнакомец), появился в фельетоне «Недельные очерки и картинки» («Санкт-Петербургские ведомости», 1868, № 183, 7 июля). Подобные слухи очень ранили писателя, который в течение всей жизни был вынужден их опровергать [8], и только за три месяца до смерти он решился запечатлеть эти воспоминания в виде автобиографического очерка, сохранив таким образом своё видение прошлого.

Рассказ начинается точной датировкой описываемых событий: «Это было в мае 1838 года» [7, с. 299], когда молодой писатель впервые самостоятельно отправился в морское путешествие на пароходе «Николай I», делавшем рейсы между Петербургом и Любеком. При помощи этого фактического уточнения создаётся не только художественный мир произведения, но и особое историческое пространство репрезентации [6, с. 12], в котором автор предстает и как герой и как реципиент одновременно. Тургенев весьма схематично изображает предшествующие трагедии события, акцентируя внимание читателя на том, что именно в самый разгар карточной игры в общую каюту с возгласом: «Пожар!» [7, с. 300] вбежала женщина. И сразу же: «Золото, серебро, банковые билеты покатались и рассыпались во все стороны, и мы все бросились вон» [Там же]. Далее, с присущей ему точностью деталей, автор-повествователь весьма реалистично описывает ужасную суматоху, поднявшуюся на корабле: «чувствовалось, что отчаянное чувство самосохранения охватило все эти человеческие существа, и в том числе меня первого» [Там же]. В этот же момент восприятие мира становится катастрофическим; дальнейшее состояние героя можно расценивать как аффективное, что, впрочем, весьма естественно в подобной ситуации. Так, например, он упоминает о том, что за своё спасение даже предлагал одному из матросов деньги, хотя и осознавал, что в этом нет никакого смысла. Следует заметить, что в памяти самого автора сохранились подробные картины той агонии, что охватила и остальных пассажиров судна. В частности, рассказчик вспоминает, что какой-то богатый помещик в порыве религиозного экстаза в неистовстве бил земные поклоны, а старый генерал в растерянности предлагал отправить письмо на имя государя, и здесь же, сидя на толстом канате, бывший русский посланник в Копенгагене покуривал сигару и болтал ногами, «оглядывая каждого из нас по

очереди с видом насмешливого сожаления» [Там же, с. 301]. Исходя из собственных впечатлений, автор подчеркивает, что «ничто не равняется трагизму кораблекрушения или пожара в море, кроме их комизма» [Там же, с. 300]. Воссоздавая атмосферу хаоса и безумия, писатель наполняет пространство горящего парохода криками, воплями, стонами и возней, попутно замечая, что женщины и дети выказали намного больше мужества, нежели мужчины. Говоря о себе, Тургенев отмечает овладевшее им в языках пламени оцепенение. Сверхъестественная в непосредственной близости смерть, её огненное буйство и кажущаяся неотвратимость породили в душе молодого человека желание иной смерти, и если это не христианская кончина на закате лет, то уж «лучше утонуть, чем испечься» [Там же, с. 302]. Таким образом в помутненном сознании возникает образ необходимой, почти героической гибели, которая на тот момент ощущалась автором как неминуемое, предначертанное «событие». Так, писатель вспоминает, что какая-то маленькая старушка, как будто прочитав по лицу его мысли, молила не совершать греха, и несколько раз бросалась к нему, когда он делал вид, что хочет совершить самоубийство. Взрослый Тургенев характеризует собственную позу как непонятное чувство хвастовства перед лицом гибели, к которому в большинстве своём склонны горячие молодые сердца. Однако, беря во внимание авторские комментарии, логично предположить и то, что, находясь в состоянии крайнего возбуждения, он не мог не только адекватно воспринимать окружающую действительность, но и анализировать последствия собственных действий. Возможно, что в дальнейшем именно этот опыт лёг в основу «таинственных повестей» Тургенева, герои которых постоянно находятся в конфликте между реальностью и фантазией, своеобразном онейросферическом пространстве [3, с. 106], являющимся результатом особенностей их психики и восприятия.

Конечно, весьма сложно говорить об экзистенциальных и религиозных мотивациях героя в роковой для него час, тем более что Тургенев никогда не отличался ни сердечной набожностью, ни внешней религиозностью, тем не менее они все же присутствуют в тексте в виде последней надежды, как это нередко бывает в минуту смертельной опасности, и голоса спасителя, раздавшегося сверху: «Что вы там делаете, несчастные? Вы погибнете, идите за мною!» [7, с. 302]. Естественно, это был капитан, благодаря деятельности которого почти никто не пострадал. Но интересно то, как писатель вводит эту фигуру в текст произведения, (как бы) имитируя библейский текст и отождествляя капитана со Спасителем.

Дальнейшее развитие событий и сцены спасения описаны довольно подробно, и именно опровергают слухи о трусости писателя. Так, в «Воспоминаниях» А.Я. Панаевой, говорится о том, что:

«...знакомый рассказал мне, как один молоденький пассажир был наказан капитаном парохода за то, что он, когда спустили лодку, чтобы первых свезти с горевшего парохода женщин и детей, толкал их, желая сесть раньше всех в лодку... На музыке я показала этому знакомому <...> Соллогуба и Тургенева. “Боже мой! – воскликнул мой гость (указывая на Тургенева), – да это тот самый молодой человек...”» [4, с. 94–95]. В тексте также встречается описание подобных действий, только по свидетельству самого автора, это был вовсе не он, а тот самый генерал: «Мне сказали, что в первую минуту перепуга он грубо оттолкнул женщину, которая хотела опередить его и раньше него спрыгнуть в одну из первых лодок... Один из служащих на пароходе схватил его в охапку и с силой отбросил назад... и старый солдат, устыдившись своей минутной трусости, поклялся сойти с корабля только последним, после капитана...» [7, с. 303]. И здесь мы сталкиваемся с преломлением истории, когда перед читателем возникают два, совершенно противоположных облика одного человека. Но следует заметить, что для коллективной исторической памяти это явление вполне закономерное, поскольку любая реальная история всегда отделена от своей репрезентации личностным восприятием её участников, а, следовательно, множественная трактовка неизбежна. Так, например, в воспоминаниях Е. В. Сухова-Кобылиной [1, с. 339–340], известной писательницы, публиковавшейся под псевдонимом «Евгения Тур», ставшей непосредственной очевидицей тех событий, нет ни единого упоминания о недостойном поведении писателя во время пожара, из чего можно сделать вывод, что подобные компрометирующие слухи были всего лишь инсинуацией. Однако исследователи жизни и творчества Тургенева до сих пор не могут дать однозначную оценку его действий в тот момент. Сам же прозаик вспоминает, что, когда очередь прыгать в спасательную шлюпку дошла до него, он так же поддался минутной слабости. Так, перед самым прыжком «...Женщина уцепилась мне за шею и недвижимо повисла на мне. Признаюсь, первым моим побуждением было насильно перебросить ее руки через мою голову и таким образом отделаться от этой массы; к счастью, я не последовал этому побуждению» [7, с. 303]. Уже в финале рассказа происходит условная героизация персонажа: он не только помогает оставшимся на борту дамам, но и по ироничному замечанию самого автора, даже разыгрывает *любезного кавалера*. В завершение писатель также упоминает о том, что деньги, которые прислал государь, все мужчины решили отдать пострадавшим женщинам.

Таким образом, можно отметить, что данный текст является не просто психо-исторической репрезентацией, отражающей катастрофическое видение истории самого автора, но и попыткой писателя «реабилитироваться» в глазах потомков, предложив альтернативную версию прои-

зошедшего. При этом в тургеневском тексте исторические репрезентации заявлены как достоверное отображение событий прошлого, однако, стоит учитывать, что любая реальная история прошедшего всегда отделена от своей исторической репрезентации не только пространственно-временными категориями, но и личностью автора, поскольку всякое осмысление предполагает видоизменение своего «источника».

Список литературы

1. Литературное наследство. Т. 76. И. С. Тургенев : новые материалы и исследования / ред. А. Н. Дубовиков, И. С. Зильберштейн. Москва : Наука, 1967. 791 с.
2. Логутова, Н. В. Поэтика пространства и времени романов И. С. Тургенева : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01.01 / Н. В. Логутова ; Ивановский государственный университет. Кострома, 2002. 22 с.
3. Маркова, Т. Н. Онейрический текст в малой прозе И. С. Тургенева и В. О. Пелевина // Филологический класс. 2020. № 1. С. 10–114.
4. Панаева (Головачева), А. Я. Воспоминания. Москва : Художественная литература, 1972. 506 с.
5. Потамская В. П. Историческая репрезентация и метаистория в философии Х. Уайта // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 223–241.
6. Потамская, В. П. Проблема исторической репрезентации в философии А. Данто // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2022. С. 10–16.
7. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 11. Москва : Наука, 1983. 527 с.
8. Тургенев, И. С. Редактору «С.-Петербургских ведомостей», 9/21 июля 1868 г. [текст: электронный] // Иван Сергеевич Тургенев. URL: <http://turgenev.lit-info.ru/turgenev/pisma/raznye-gody/letter-1.htm> (дата обращения: 12.02.2025).

REPRESENTATION OF THE PAST IN I. S. TURGENEV'S SHORT STORY "FIRE AT SEA"

K. R. Belozerova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the study of the peculiarities of the representation of the past in I. S. Turgenev's autobiographical story "Fire at Sea". Of particular interest to the researcher is the mechanism of including history in a literary work, as a reflection of the writer's life and creative experience. In this case, we are talking about combining two types of representation in the text: historical and psychological, as a result of which we can talk about psycho-historical representation as the author's own way of modeling the world,

in which the main role of the “designer” is occupied by the author himself (representations), recreating and interpreting the past through imagination and world perception.

Keywords: *memory, past, psychological representation, historical representation.*

Об авторе:

БЕЛОЗЕРОВА Ксения Романовна – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170033, г. Тверь, ул. Желябова, 33); e-mail: KsenyBelozeroва@yandex.ru.

About the author:

BELOZEROVA Ksenia Romanovna – Postgraduate Student at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (17010, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: KsenyBelozeroва@yandex.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.02.2026 г.
Дата подписания в печать: 13.03.2026 г.